

Близкие люди

Автор:

Юлия Резник

Близкие люди

Юлия Резник

Тени #2

Их всегда было трое. Сергей Полярников, Ярик Линдт, а между ними – Лиза. Пока Серый с Яром пропадали в горячих точках, Лиза делала карьеру журналистки и ждала... Сергея, за которого вышла замуж, и Яра, оставшегося в ее жизни на правах лучшего друга. Все изменилось в один момент. Когда Сергей погиб, и одна за другой на свет стали всплывать его тайны...

Юлия Резник

Близкие люди

Глава 1

– Таня? Ты чего здесь сидишь? Дождь ведь! Ну-ка, поднимайся... Еще не хватало в твоем положении простыть. – Лиза открыла зонт, без которого думала обойтись, и нетерпеливо, с едва скрываемым раздражением взмахнула рукой в направлении крыльца. Ее всегда удивляло, как безответственно некоторые беременные дурочки относятся к своему положению. Может быть, потому, что им все далось легко? Наверное... Во рту собралась горечь. И уже набивший оскомину вопрос «А почему мне... мне почему не дается?» отозвался в сердце тянущей давно привычной болью. – Тань! Ты меня слышишь? Да что с тобой не

так? Случилось что-то?

- Да... Наверное, случилось. Я у врача была.

- И что? С малышом что-то? - Лиза скользнула ревнивым взглядом по раздувшемуся животу соседки. Зажмурилась. Вытолкнула из легких начавший жечь воздух и мысленно себя обругала. Когда она стала такой завистливой сволочью?

- Нет.

Голос соседки звучал абсолютно безжизненно. Безжизненным выглядело и ее лишенное всяких красок лицо с тонкими лучиками залегших в уголках глаз морщинок. Лиза свела брови, всерьез забеспокоившись.

- Подожди, дома расскажешь. Пойдем... Только к нам, ладно? Мне срочно кое-что нужно сделать, а потом я вся твоя.

Таня послушно кивнула. Медленно, будто очень-очень устала, поднялась со скамейки. Лиза отметила, что выглядит она хуже обычного. Редкие волосы, намокнув, облепили ее маленький странной формы череп, из-за строения которого ее лицо больше походило на мордочку какого-нибудь грызуна, бесформенное платье, нездорово тощее тело. Таня отчетливо понимала, что некрасива. Но если до того, как забеременеть - непонятно, кстати, от кого - Лизе она так и не создалась, та еще прикладывала усилия, чтобы выглядеть чуточку лучше, то потом и вовсе поставила на себе крест. На все Лизины уговоры сходиться в парикмахерскую она отнекивалась. То на мигрень ссылалась, преследующую ее всю беременность, то на нежелание травить ребенка химией.

Лиза открыла дверь. Бросила короткий взгляд на обувницу. Нет, Сережа, её муж, так и не появился. А она надеялась. Каждый раз надеялась, возвращаясь, застать его дома. Он был военным. Служил в непростом подразделении. Таком непростом, что очень часто Лиза понятия не имела, где он и на каком задании. Поначалу она страшно боялась, когда муж уезжал. Но за годы брака, наверное, привыкла. Десять лет вот скоро, как они женаты... Лиза запланировала романтическую поездку в Париж. И даже забронировала билеты. Оставалось те выкупить. Вот почему она торопилась.

– Ты пока устраивайся. Все, что найдешь в холодильнике – твое! – Лиза подмигнула соседке и пошла в кабинет. Вообще-то, когда они с Сережей покупали квартиру, подразумевалось, что здесь будет детская. Делая ремонт, они и обои выбрали соответствующие. Дизайнерские. Дорогущие! С милыми зайцами, прячущимися в траве. Подходящие как мальчику, так и девочке. Сейчас стены были выкрашены в благородный серый... Обои Лиза сорвала после второго неудавшегося ЭКО. А потом было третье.

Лиза растерла лицо и удивленно уставилась на собственные дрожащие пальцы.

– Приехали! Снова-здорово.

Чтобы поскорее отвлечься от горестных мыслей, открыла лептоп и принялась за дело – ввела данные карты, подтвердила платёж. Свернула окно. И уставилась на фотографию заставки. Свою и мужа. Улыбнулась. А вот Сергей на фото не улыбался. И выглядел очень... крутым. За десять лет им многое довелось пережить, пришло и некоторое охлаждение, но она все равно его безумно любила.

– Возвращайся, Серенький... Возвращайся скорей! – шепнула, а потом, вспомнив о брошенной в кухне Тане, захлопнула крышку мака и пошла переодеться в удобное. Удобной была ношенная-переносная борцовка мужа. Лиза коснулась носом лямки, но ткань не сохранила запаха здорового сильного, под завязку наполненного тестостероном тела.

К удивлению, когда она вернулась в кухню, Таня сидела в той же позе, что и когда Лиза уходила. Ни чайник не поставила, ни бутербродов не напичкала.

– Ты голодная?

– Нет. Но, наверное, поесть надо.

– Сейчас пиццу в духовку поставлю. Я, когда Сережи нет, не готовлю. Ты знаешь.

– Не объявлялся? – Таня, наконец, ожила и подняла на Лизу взгляд. Странно... Ей-то какое дело? Лиза была уверена, что Таня с Сергеем друг друга недолюбливают. У них с мужем даже как-то раз случился скандал по этому

поводу. Тот однажды неприятно высказался о Таниной внешности. И Лиза обиделась за приятельницу. Уж кому как не ей знать, что не в красоте счастье? Да и вообще она такого похабного замечания от Серого не ожидала.

– Нет. Слушай, Тань, а ты у вас в конторе не можешь узнать? Ну, хоть приблизительную дату! Сил нет ждать. Сложно мне этот раз дался.

Так совпало, что Таня была секретаршей Серезинового босса. И имела доступ к секретке. Лиза никогда раньше ни о чем ее не просила. Да и в этот раз не собиралась. Оно как-то само собой вырвалось.

Таня ничего не ответила. И тогда Лиза, стусевавшись, пошла на попятный:

– Прости. Знаю, что не должна была тебя пытаться. В неловкое положение ставить... Давай лучше о тебе. Что, ты говоришь, случилось?

Открыла духовку. Сунула пиццу. Лето заканчивалось, и день становился короче, кажется, с каждым днем. Осень в Париже – красивое время.

– У меня рак.

Осень меняет Париж на свой лад. На фоне золота листьев очертания зданий обретают совсем другой фокус. А пряный воздух с нотками палой листвы, пыли, кофе и хрустящего, только из печи, багета пьянит как вино. Им не дышать, его пить хочется... Кстати, о вине! Нужно будет непременно, непременно заказать в ресторане бутылочку. Или две, чем черт не шутит! В конце концов, их с Сергеем лечение уже давно носит формальный характер – можно себе позволить.

– Что, прости?

– У меня рак. Глиобластома.

Праздничная открытка, застывшая перед глазами Лизы, рассыпалась. И вместо чудных ароматов Парижа пахло могильной плесенью. Ей нужно было что-то сказать! Таня наверняка ждала от нее реакции. Слов поддержки, или, может быть, утешения. Но Лиза не находила таких слов. Все они казались такими... ничтожными. В конце концов, верх взял оптимизм.

– Послушай, Тань, но это ведь сейчас не приговор, правда? Тебе сколько? Тридцать семь?

– Тридцать восемь.

Вот как! Значит, Таня старше на восемь лет. Впрочем, разница, которая еще в детстве кажется бездонной пропастью, после тридцати стирается практически полностью.

– Ну, вот. Тридцать восемь всего. Организм молодой, сильный. Тебе еще жить и жить. Да и современная медицина творит...

– Доктор сказал, у меня есть полгода. Максимум.

Сумерки сгущались. И почему-то в них было совершенно невозможно оставаться. Лиза щелкнула выключателем. Сощурилась.

– Я не знаю, что сказать, Таня. Может быть, тебе стоит проконсультироваться у другого, более опытного врача.

Духовка дзынькнула, сообщая, что пицца готова. Лиза вынула противень, радуясь случившейся передышке. Она совершенно не знала, что нужно говорить в такой ситуации. Таня была сиротой. Кто за ней станет ухаживать? И что будет с её нарождённым ребенком, если ей действительно... полгода максимум. Его заберет отец?

– Уже. Там сразу собирают консилиум. Я же беременная, поэтому со всех отделений нагнали... – Таня взмахнула рукой. Опустила взгляд. С редких ресниц закапали частые слезы.

– Танька... Танечка. Я не знаю... Что мне сделать? Как помочь тебе? Ну, хочешь, я попрошу шефа, и мы через нашу газету организуем сбор средств? – оживилась Лиза. – Отправим тебя в самую лучшую в мире клинику, где эти, как ты сказала, глиобластомы лечат? – стараясь совсем уж не скатываться в театральщину, Лиза присела у Таниных ног и осторожно обняла приятельницу за хрупкие плечи. И тут же ощутила толчок. Малыш в ее животе пинался.

«Как же так? Зачем ребенок дан умирающей? Всем, кому угодно, но не ей. Не им!» – поймав себя на этой страшной мысли, Лиза чуть не застонала в голос. Безуспешные попытки стать матерью медленно, но верно ее меняли. Превращали в ту, какой она никогда не хотела бы стать. Лиза не узнавала себя в этой завистливой, обозленной на всех без исключения тетке.

– Нигде не лечат.

– Как нигде? Нигде в целом мире?

– Нет. Это неизлечимая и очень агрессивная форма рака. Прости, что-то я совершенно себя не контролирую. Ты первая, кому я рассказываю, поэтому... – всхлипнула, так и не договорив, и снова заморгала в безуспешной попытке справиться с новым потоком слез.

«Первая? Она?» Лиза запнулась. Да, они с Таней были приятельницами, но не особенно близкими. А были ли у той другие подруги, она даже не знала. Выходит, ей не с кем даже поделиться своей болью? Как же так?

– Откуда только эти болячки берутся? – растерянно спросила Лиза совсем уж глупость. А Таня вопрос на свой счет приняла и ответила:

– Есть мнение, что беременность как-то катализирует этот процесс. Не знаю... Что уж теперь?

Лиза машинально кивнула. Желая утешить ей многие говорили, что если бог не дает им детей, то, возможно, оно и к лучшему? А она каждый раз бесилась от этой заезженной фразы, а она зубами скрипела, и только сейчас впервые задумалась, что, может, оно действительно так. Провела по лицу ладонями, заправила за уши волосы. Возможно. Да только ведь от этой мысли не легче. И ладно бы она была какой-то неполноценной! Или Сережа. Но после нескольких лет мытарств врачи, наконец, сошлись в едином мнении. Они с мужем абсолютно здоровы. А детей у них нет из-за редкой формы генетической несовместимости. Вот так вот.

– Танечка, я даже не знаю... Как мне тебе помочь?

– Помочь мне уже никто не сможет. Я не для этого тебе это все говорю.

– А для чего же? – совсем растерялась Лиза.

– Я хочу тебя попросить... в смысле, попросить тебя и Сергея позаботиться о моем сыне.

Если бы Лиза не была так ошарашена этой просьбой, непременно заметила бы, что под конец Таня отвела взгляд, будто стыдясь чего-то. Это было несложно. Актрисой та не была. А вот Лиза, будучи репортёром, славилась своей наблюдательностью.

– Да. Конечно. Кхе-кхе. Что ты под этим подразумеваешь? – свела красивые соболиные брови.

– Я знаю, что у вас детки не получаются, – шепнула Таня. – Вы бы могли воспитать Даника как своего, – и снова вся, будто стыдясь, сжалась. – Даня... Я его так назвать хочу.

Лиза, как подкошенная, упала на табуретку. В голове было столько вопросов, что она кругом шла. Откуда Таня знает? Они с мужем никогда не обсуждали свои проблемы с посторонними. И на все вопросы о детях отшучивались или говорили, что еще для себя не нажились. В общем, весь тот стандартный набор, к которому обычно прибегают бездетные пары в попытке скрыть, что у них ни черта не выходит. А впрочем, какая разница, откуда?! Она просит усыновить ее сына! Нет, конечно, было время, когда они с Сергеем обсуждали и такой вариант, но... Лиза не была уверена, что к этому готова. Она вскочила. И стала мерять кухню шагами от стены до стены. Прикидывая, на кого в случае чего шеф сможет перекинуть ее работу, как быстро сумеет закончить и сдать свою последнюю статью, и где найти контакты ремонтников, чтобы в детской заново наклеить обои. Да-да, обои. Только не с зайцами, нет.

– Я не жду, что ты сразу мне ответишь. Подумай. Жить мне недолго, – криво улыбнулась Таня, обнажая скученные, напозающие один на другой зубы. – Но до утра, даст бог, не умру.

– Не знаю, – шепнула Лиза, с трудом отгоняя от себя до дрожи желанные картинки. – Да и без Сережи я не могу принимать подобных решений. Вдруг он

будет против?

– Думаю, он будет даже очень за, – уже совсем неразлично прошелестела Таня, тяжело выбираясь из-за стола. Но Лиза ее не услышала, оглушенная происходящим.

– Я завтра к тебе зайду? До работы! – опомнилась, когда Таня уже в коридор вышла.

– А я уже не работаю. Мне больничный дали.

– Понятно. Я... я тебе могу еще чем-то помочь? Достать какие-то лекарства или...

Таня покачала головой. Сунула ноги в растоптанные совсем уж старушечьи балетки и толкнула дверь.

Утра Лиза еле дождалась. За ночь не сомкнув глаз, она то укладывалась в кровать, то бродила по пустой квартире, будто приведение, заново позволяя себе мечты. Видя их с Сережей, только их малыша, повсюду. Вот он пополз, а вот разбросал кастрюли по полу. Картинка была отчетливой, яркой, детальной. Как зачарованная, Лиза протянула руку, чтобы погладить привидевшегося ей мальчонку по темненькой, как у отца, голове. А потом в дверь позвонили, и чары развеялись. Зато сердце пустилось вскачь. Неужели Сережа опять забыл ключи? Подлетела к двери, как на крыльях, толкнула что есть сил. И застыла, заледенела, покрылась инеем. Потому что это был не Сергей... Потому что явление этого мужчины вперед её Серенького могло означать только два варианта. Плохой. И самый худший.

– Ярик? А... что с Сережей? Где Сережа? Где мой Сережа, Яр?!

Глава 2

– Ты уверен, что хочешь сам ей сообщить?

Яр отвлекся от разглядывания открывающихся за пыльным стеклом пейзажей – хотя, казалось бы, на что там смотреть? Ничего особенного в высотке, где жил Серега с Лизой, не было. Так, типичный новый квартал. С закрытым двором, парками, детскими площадками и даже собственной набережной с велосипедной дорожкой. Идеальное место, чтобы растить детей. Вот, собственно, почему Серега с Лизой здесь обосновались. И вот почему он сам отказывался здесь бывать.

– Давай все же я с тобой пойду, – стоял на своем их с Серым командир – майор Богданов. В ответ Яр заупрямился:

– Не надо, Демьян. Лучше я сам. Лиза – девочка сильная. Справится.

– А я сейчас не о ней переживаю, – отбил тот. Повернулся на сиденье вполоборота и напряженно уставился на друга.

Впрочем, Ярослав сомневался, друзья ли они теперь? Это раньше мужики в группе не разлей вода были. Попробуй не сблизься, когда ты в связке. Когда от умений, профессионализма и личных качеств каждого из восьми ежесекундно зависит твоя жизнь? В условиях боевой или разведывательной операции довольно быстро становится понятно, кто чего стоит. Отсев проходит молниеносно. Остаются лишь те, на кого ты можешь без оглядки положиться. Но последние события все изменили.

Серега оказался кротом. Его лучший друг. Тот, за кого Ярослав, не задумываясь, отдал бы жизнь. Тот, кого он знал с детства, тот, кому давал списывать физику. Тот, кого Яр однажды, выbleывая легкие, тащил на себе оставшиеся пять километров марш-броска по пересеченной местности, чтобы тот только сдал норму. Тот, кого сотни раз прикрывал своим телом. Тот, кому уступил женщину, которую сам любил... Черт, да кого он обманывает?! Которую до сих пор любит, несмотря на все попытки избавиться от этого изматывающего чувства... И вот тот оказался крысой.

Самое страшное, что эта крыса поставила под удар не только проведение крайней операции и жизни восьми участвующих в ней бойцов, но и здорово подорвала доверие среди тех, кто несмотря ни на что выжил. Самому Ярославу, чтобы доказать свою преданность, пришлось пройти через изматывающие многочасовые допросы. Невыносимым было то, что непосредственное участие в

них принимал и Богданов. Тот тоже ему не сразу поверил. И хоть умом Ярослав понимал, что иначе быть не могло, что ситуация была слишком запутанной – сам черт ногу сломит, и что он на месте Демьяна поступил бы точно так же, принять это сердцем Яр просто не мог. Может, со временем и получилось бы, но не сейчас – так точно.

– Обо мне переживать не стоит. Я ведь сказал, что в норме.

– Да с хрена в норме-то? Невозможно быть в норме, пустив пулю в лоб лучшему другу. Я настаиваю, что тебе нужно проработать эту проблему с психологом.

– Я пустил пулю в лоб предателю. И никаких проблем с этим у меня нет, – наверное, в сотый раз повторил Ярослав и, резко дернув ручку двери, вышел прочь из машины.

Да, это он убил Серого. Возникли ли у него в связи с этим проблемы? Психологические, мать его так, проблемы? Нет. В условиях боя у Ярослава не было другого выбора. Повторись ситуация снова, он бы поступил точно так же. Узнав, что его лучший друг – предатель, пустил бы ему пулю в лоб. Все просто. Согласно инструкции, чтоб ее.

А если бы этот предатель не был женат на женщине, по которой сам Ярослав сох с восьмого класса?

К черту! Этот факт ничего не менял. Лизу Серега тоже предал. Об этом знали все. Но почему-то никто не подумал о том, что неспособный на верность женщине человек неспособен и на верность присяге. Снисходительно махнули рукой, списав поведение Серого на его кобелиную, свойственную, в общем-то, многим мужикам сущность. Тем самым оставив без внимания яркую, как неоновая вывеска, подсказку.

Интересно, а этой Тане кто-нибудь потрудились сообщить, что Серега мертв? Как она теперь будет? Рожать. В одиночку воспитывать ребенка... Может, Князев ей от конторы какую-то помощь выпишет? Все же она его секретарша.

У двери Яр с шумом выдохнул. Обернулся. Демьян немного отъехал, чтобы припарковаться – их корочки позволяли въехать даже в закрытый двор.

Домофон запищал. Дверь открылась. Еще один глубокий вдох на пороге квартиры. Ему предстоял самый тяжелый, самый изматывающий разговор в жизни. Он прокручивал его в голове снова и снова. Но все еще не был готов.

– Ярик? А... что с Сережей? Где Сережа? Где мой Сережа, Яр?!

Даже в семь утра Лиза выглядела как модель с обложки журнала. У нее была вызывающе яркая, сексуальная внешность и самые красивые в мире глаза. Ярослав каждый раз, глядя в них, терялся. Будто на дне тонул.

Лизу миллион раз приглашали работать на телевидение, где такая внешность вкупе с безусловным профессионализмом могли помочь ей сделать головокружительную карьеру. Но Лиза бредила настоящей журналистикой. И поэтому устроилась в независимую газету. Ее журналистские расследования многим не давали жить спокойно. Дважды она ходила по такому тонкому льду, что если бы не их связи в разведке, для нее все бы закончилось плохо. Много раз Яр задавался вопросом – понимала ли она, как рискует? А если понимала, где брала мужество продолжать? Ее бесстрашие он любил, наверное, больше всего. Она была совершенно отбитой.

– Почему ты молчишь? – Лиза схватила его за футболку. Сжала плотный трикотаж в тонких пальцах. Встряхнула, обдавая Ярослава невозможно притягательным ароматом теплой со сна женщины. Он судорожно сглотнул.

– Мне жаль.

– Нет! – шепнула она. – Нет! – повторила увереннее и отступила вглубь квартиры, захлопнув ладонью рот. – Не говори мне этого. Слышишь?! Не говори мне этого, – заскулила, ухватилась рукой за комод, словно ей непременно нужно было за что-то держаться, чтобы не упасть.

– Он ушел как герой.

Банальные слова. Да к тому же лживые. Но Яр сам настоял, что близким Сереги не надо знать правду. А поскольку условия их работы вообще не предусматривали необходимости что-либо объяснять, сказать он мог по большому счету все, что угодно. Опуская никому не нужные детали.

Лиза уставилась на него, как на полного идиота. Всклипнула. Заметалась по комнате. С ее губ рвались странные, раздирающие душу звуки. Напоминающие не то вой, не то хрип бьющегося в агонии зверя. В какой-то момент она замерла, подняла руки над головой, обхватила затылок распластанными пальцами. Борцовка Серого задралась, еще больше обнажая ее безупречные голые ноги.

Он, наверное, совсем пропащий, если даже в такой момент это замечал... Прислонился к стене. Долбанулся изо всех сил затылком, чтобы встали мозги на место. А когда открыл глаза, они с Лизой уже были не одни. В дверях застыла Таня. Ярослав окатил ее брезгливым взглядом, подошел к Лизе. Осторожно обнял ее хрупкое дрожащее тело. Будто желая оградить её от неожиданной гостьи. Которой Лиза столько хорошего сделала! В то время как эта убогая у той за спиной закрутила с её мужем. Хоть убей, Ярослав не понимал, что такого этот мудака нашел в ней? На что позарился? Там же не на что было смотреть! А Серега к тому же позволил этому зайти так далеко, что теперь уже их с Таней не только секс связывал. Яррик уставился на её раздувшийся живот. Дерьмо.

От того, что у Серого с любовницей происходило, не должны были дети рождаться. Ничего святого там не было. Одна грязь. Яр с отвращением вспомнил, как Серый об этом говорил, когда он припер его к стенке.

– Почему она? Да потому что голодная и безотказная. Хочешь с черного хода, хочешь с переднего. А хочешь, за щеку возьмет. Когда глаза закрываешь или ее мордой в подушку толкаешь, ведь похер, кто под тобой. В том месте все бабы одинаковые, знаешь ли. Только у нашей Татьяны Ивановны голова никогда не болит. Она, как пионер, всегда готова. А с Лизой каждый шаг по расписанию. Знал бы ты, как меня это достало. Таблетки, обследования... Бабские истерики. Осуждаешь? Святой, бл*дь. Я бы посмотрел, как надолго тебя самого хватило бы.

А Яру и не нужно было смотреть. Он знал. Если бы Лиза была с ним, ему бы сверх вообще ничего в этой жизни не надо было.

Только вот так ее в своих руках держать.

– Яр, подожди, – взяла себя в руки Лиза, – подожди... Ты мне скажи – это точно? И тело... – опять оборвала она себя, сделав глубокий вдох.

Тела не было. Никто бы его не стал перемещать через границы нескольких государств. Так и остался Серый там, посреди далекой пустыни. Если гиены не растащили его по кускам.

– Гроб закрытый. Сама понимаешь, – хрипло заметил Ярослав. Растер покрасневшие воспаленные глаза. Отвел руку и снова поймал взгляд Тани. Сразу понял, что та ничего не знала. Написанный на ее лице шок сделал его еще более некрасивым. Губы-ниточки стали совсем бескровными. А одутловатое, белое как полотно лицо пошло отвратительными красными пятнами.

Лиза тоненько заскулила. Да, она вроде бы сумела взять себя в руки, но боль, штурмуя кордоны и блоки, выстроенные в мозгу, прорывалась наружу с вот таким вот душераздирающим звуком.

– Потом станет легче, слышишь, Лиз? Ты только держись.

Сереге не стоило того, чтобы она так по нему убивалась. Не стоило. Но сказать ей правду – значит, убить ее веру в людей. Значит – перечеркнуть прошлое. Поставить все, вообще все, что было там, под сомнение. Яр не мог этого допустить. Ради нее самой. Не мог. Смерть Серого она смогла бы пережить, а его чудовищное предательство – навряд ли.

– Родителям сообщили?

– Нет. Тебе первой.

– Надо сообщить. Только как? Как я им скажу, господи? Таня? Эй, Таня! Что с тобой?

Ярослав обернулся. И первый бросился к сползающей на пол соседке. Та, похоже, оказалась барышней хрупкой. Сознание, вон, потеряла.

– Её нужно на диван переложить! И скорую вызвать...

– А скорую зачем? У беременных, наверное, такое бывает.

Стирая слезы со щек, Лиза покачала головой:

– Она не просто беременная. У неё какой-то редкой формы онкология. Забыла, как называется.

Ярослав выругался про себя. Раз, и еще, и еще. В каком-то глухом отчаянии. Происходящее напоминало дурной фильм. Он злился, что Лизе, только что узнавшей о гибели мужа, приходилось переживать еще и о здоровье соседки! Вот какого черта она вообще приперлась?

– Зачем она пришла?

Лиза растерянно моргнула. На несколько секунд спрятала лицо в ладонях. Бедняжка. Может, она тоже задавалась вопросом, за что ей еще и это? Как будто своих проблем мало! И своего горя.

– Мы должны были кое-что обсудить. Ну, что ты медлишь? Звони в скорую.

– Не надо. Мне уже лучше, – раздался слабый голос. – Сейчас... Дай мне пару минут. И я пойду.

– Куда пойдешь? Тебя ноги не держат.

– Я ее могу проводить, – вмешался Ярослав, все сильнее хмурясь.

– Никого никуда не нужно провожать. Пускай здесь отлежится. Мы все равно уходим, – заявила Лиза, а потом, осев, будто из нее разом весь воздух выкачали, спросила: – Только... А куда нам идти? Что нужно делать? Я ведь никого еще не хоронила-а-а-а...

– Никуда не нужно! Все организует ведомство. И похороны, и поминки. Нужно только родителям сообщить. Но тут, думаю, лучше мы без тебя справимся.

Лиза резко вскочила с места. И затрясла головой.

– Нет. Я должна это сделать. Помочь им... пережить.

«А кто тебе самой поможет?» – хотел спросить Ярослав, глядя в ее лихорадочно горящие глаза. Но не стал. Знал, что если Лиза что-то вбила себе в голову, лучше с ней не спорить.

– Подожди. Только оденусь. Я быстро.

Быстро не получилось. Потому что, закрывшись в ванной, Лиза все же сломалась. Яр стоял, прислонившись лбом к двери, и не знал, что ему делать. Впервые в жизни ощущая себя настолько беспомощным. А она плакала, а она выла... И он не знал, как облегчить ее боль. Ту боль, что и его жрала.

Взгляд Тани он ощутил кожей. Обернулся. Наверное, в сложившихся обстоятельствах ему нужно было проявить к ней больше участия. Наверное. Да только Ярославу не было ее жаль. Он её почти ненавидел.

– Я его тоже любила, – шепнула Таня.

– Мне это неинтересно. Ты влезла в семью, – зашипел Ярослав. – В семью той, которая считала тебя подружкой.

– А ты бы не влез? Если бы у тебя появился шанс быть с Лизой? – спросила Таня и, не дождавшись ответа, медленно поплелась прочь.

Глава 3

Казалось, это происходит не с ней. Закрытый гроб, поминальный зал, какие-то люди, лиц которых Лиза не помнила. Почерневшие от горя родители Серенького, её родители. Оружейные залпы, мерзкий дождь, размывший картину похорон.

Но главное, слова, слова, слова... Тысячи слов.

– Такое горе... Держись. Мы с тобой.

Ничего не значащие слова... А еще недоуменные взгляды. Может быть, она разочаровала явившихся родственников и случайных зевак. Тем, что не позволила себе рыдать напоказ, заламывать руки и бросаться вслед за опущенным в яму гробом. И тем, что наблюдала за происходящим с каменным лицом. Иногда невпопад кивая подошедшим выразить ей соболезнования. Или... Зачем там они подходили?

Не то чтобы Лиза была такой уж сильной. Просто кому-то нужно было держать ситуацию под контролем. Оставаться опорой. Для тех же родителей Сергея, которым совсем не вмоготу было. Вот Лиза и крепилась из последних сил. А что по этому поводу думали посторонние, ей было все равно.

Те немногие, чьим мнением она дорожила, все понимали правильно. Тот же Ярослав, или командир Сережи – Богданов, или остальные члены его группы – в общем счете шестеро из восьми. И ее шеф, коллеги, которые, надо же, пришли в полном составе. Это Лиза как раз заметила и даже на миг зажмурилась, справляясь с собой. Потому что такая их поддержка её очень тронула. Как и приход Кати. Вдовы погибшего вместе с Сережей бойца. Славного, доброго, надежного, как скала, Михея.

В тот злополучный день из восьми человек в группе Богданова погибло двое. Оба семейные. Лиза старательно гнала от себя злой непотребный вопрос – почему бог не забрал других, тех, у кого ни жены, ни детей не было. Но тот нет-нет да и всплывал у нее в голове.

– Ох, Лизка... – обнял ее шеф. Большой во всех смыслах мужик.

– Ничего, Аркадий Семенович, справлюсь. – Лиза вдохнула исходящий от него аромат – запах сигарет, кондиционера для белья и каких-то резких мужских духов, которыми она, посмеиваясь, рекомендовала ему не злоупотреблять. Родной, успокаивающий аромат. Как будто из прошлой жизни... Где все еще хорошо.

Интересно, она когда-нибудь будет смеяться?

– Я тебе отпуск оформил.

– Как отпуск? – испугалась Лиза. – Зачем?

Скорбная процессия потянулась с кладбища к стоянке. Лиза резко остановилась, перегородив людской поток. Который, разделившись на две струйки, двинулся дальше, минуя их с Дубильетом.

– Как это зачем? Тебе бы отойти не мешало, Лиз, – заявил он и, взяв под руку, повел за собой к машине.

– Да вы что, Аркадий Семенович! Так я хоть на работу отвлекусь, а в отпуске – если только в петлю сразу.

– Ну, ты это! Давай... без глупостей, – насупился. Как и всякий мужчина, он был не силен в словах, хоть и был ее шеф-редактором.

– Да это я так. Не берите в голову. Но на работу выйду. И слышать ничего не хочу об отпуске. Вот прямо завтра и выйду.

– Завтра – воскресенье.

– А когда это нас останавливало? Надо заканчивать статью. И за другую браться. Вы, кстати, еще никому не отдали тему Панамских офшоров? Имейте в виду – я на нее положила глаз.

Если зажмуриться, можно было представить, что ничего не случилось. Обычный день, обычный разговор с начальником. Лиза так и сделала – зажмурилась. Подставляя горящее лицо холодной мороси.

– С кем это Серегины родители?

– А? – Лиза открыла глаза. – Это Таня.

– Родственница?

– Да нет. Соседка моя. Иногда забегаем друг к другу в гости. Не знала даже, что они знакомы.

Прежде чем Лиза успела проанализировать открывшуюся взгляду картинку, её окликнула мать.

– Милая, нужно ехать!

Поминки прошли, будто в полусне. Возможно, если бы она увидела Сергея мертвым, ей было бы легче поверить в его смерть, а так казалось, словно он просто в очередной раз уехал. И скоро вернется. Лизе все время приходилось себе напоминать, что этого больше никогда... никогда не случится. Какое же страшное слово – никогда. Ей после Сережи ничего не осталось! У той же Кати была взрослая дочь. А у нее ничего. Никого... Даже запах Сергея ускользал, выветривался из дома. Даже его запах!

Вернувшись домой, Лиза стала бродить из комнаты в комнату, прокручивая в голове счастливые моменты их жизни. Все в этих стенах было связано с Сергеем. Она в отчаянии перебирала одно воспоминание за другим, будто опасаясь забыть то, что раньше не казалось ей особенно ценным. Умом вроде и понимая, что ей нужно двигаться дальше. Но не представляя, как. И для чего?

Утром, разбитая и несчастная, поехала, как и обещала, в редакцию. Лиза проделала огромную работу, расследуя экологическую катастрофу в Н*, которую владельцы местного комбината пытались скрыть, и теперь оставалось не так уж много. Дождаться результатов проб воды и почвы. И довести до ума в общем-то уже написанный текст. В редакции она проторчала до полуночи, но все без толку. Вместо того чтобы вернуться к статье, она о другом думала. На чистом белом листе значилось:

1. Что за задание было у Сергея?
2. Где?
3. Какие события в мире могли потребовать вмешательства их группы?
4. Как именно он погиб?
5. Кто в этом виноват?

6. Можно ли было избежать его смерти?

На ее вопросы могли ответить, по крайней мере, шесть человек. Остальные члены группы, которым удалось выбраться из той передраги живыми. Но они не стали бы ей ничего объяснять. Лиза не была наивной и прекрасно понимала, какими обязательствами те были связаны. Если только Ярик... Их с Сережей самый лучший друг. Его можно было расспросить. Хотя бы попытаться... Почему она до этого не додумалась сразу?

Лиза вскочила, сгребла сумочку, с трудом отыскала ключи в ворохе разбросанных на столе бумаг. В редакции уже никого не было. Она опечатала кабинет, попрощалась с охранником и помчалась к стоянке. А дальше была гонка через полгорода. И звонок в домофон, разбудивший уснувший дом. Гудки... Долгие. Еще одна попытка дозвониться.

- Ну, кто там? - раздался злой заспанный голос Ярослава.

- Это я. Лиза. Впустишь?

- Лиза? Черт... Заходи, конечно.

Лифт ехал долго-долго. Лиза вся извелась. Выглядела она, конечно, ужасно. Всклоченная, с красными, как у крысы, глазами. Впрочем, ей было все равно. Когда створки лифта, наконец, разъехались, Яр ее уже ждал, застыв на пороге квартиры. Лиза шагнула прямо в его распахнутые объятия. Прижалась с силой. Она чувствовала себя как никогда хрупкой и нуждающейся. И в этих объятиях, и в этом тепле, и в этом сбивчивом, обжигающем ей висок бормотании:

- Ну, все-все, Лиз. Ты чего? Я с тобой. Слышишь, Лиза?

Лиза кивнула. Провела ладонями по мужской груди и ухватилась за широкие плечи.

- Ты замерзла? Дрожишь вся. Пойдем, что мы стоим в проходе?

Все так же продолжая за него цепляться, Лиза шагнула внутрь квартиры. Нужно было брать себя в руки. И она это понимала. Только с Яром, которого она знала

тысячу лет, с которым сидела за одной партой всю начальную школу, так легко было быть слабой.

– Сейчас-сейчас. Дай мне секундочку, – шепнула Лиза, невольно задевая губами кожу на его шее. Выше просто не доставала, несмотря на свои в общем-то довольно внушительные, как для женщины, сто семьдесят семь, а отлепиться вообще не могла.

– Да я тебя и не тороплю. Хочешь, хоть навсегда так оставайся.

Лизе показалось, что Яр простыл. По крайней мере, его голос звучал как будто простуженным. Должно быть, виной этому дождь и сквозняк на кладбище. Лиза и сама чувствовала себя больной.

Ярик-Ярик... В этом он весь. Всегда готов выслушать. Поддержать. Ей этого всегда не хватало в отношениях с Сергеем. Лиза задушенно рассмеялась. Звук вышел влажным. Каким всегда бывает смех сквозь слезы.

– Может, тебе коньяка налить? А, Лиз? Выпьешь?

– Лучше сделай какао. Если есть, – шмыгнула носом.

Глупая. Она не знала, что он всегда держал для нее в доме банку Несквика. Мог все что угодно забыть купить, только не какао, которое Лиза пила у него хорошо, если пару раз в год. Встречались они довольно редко. А уж на его территории и подавно. Так, по большим праздникам.

– Есть. Ты садись, Лиз. Сейчас я плед достану.

Плед? В августе? Лиза удивленно моргнула, вдруг осознав, что ее порядком знобит. Поэтому когда Яр вынул из комода плед – большой в рыже-зеленую клетку, послушно в него укуталась.

Ярослав отошел к кухонному острову. Открыл хромированный холодильник и, достав бутылку молока, плеснул в высокую кружку.

– Расскажи мне, как это произошло.

– Я могу сделать все что угодно для тебя, Лиз, кроме этого. Ты же понимаешь, – заметил он, помедлив несколько секунд, прежде чем выставить таймер на микроволновке.

– Я не могу жить, оставаясь в неведении. Не понимая, как он умирал. Ради чего? Какие его слова были последними. Ты был рядом?

– Да, – стиснул челюсти Ярослав.

– Скажи мне, что этого нельзя было предотвратить. Скажи... и я тебе поверю.

Микроволновка дзынькнула. Лиза вздрогнула и, злясь на себя, стерла со щек набежавшие слезы. Гремя посудой, Яр отыскал ложку, банку какао. Насыпал щедрую порцию в молоко.

– У него не было ни единого шанса.

– Ладно... – прошептала она. – Ладно. Он ведь... он ведь не напрасно погиб?

– Что ты имеешь в виду? – Яр подошел к ней, вручил чашку и сел рядом, поджав под себя ногу.

– Ну, вас зачем-то же послали. Очевидно, вы выполнили очередное задание? – Грея руки о горячую чашку, Лиза сделала первый глоток, и только когда тот мягко опустился в абсолютно пустой желудок, поняла, что уже несколько дней не ела.

– Я должен был догадаться, что ты будешь копать. Ты же... это ты, да, Лиза?

– Я просто хочу знать, ради чего погиб мой муж! Ради Родины – понятие слишком абстрактное!

– Мы освобождали заложницу, – нехотя, будто не до конца уверенный, что ей стоит это знать, заметил Яр. – И да, с ней все хорошо.

– Это что же за заложница такая? – вскинулась Лиза. – Кем нужно быть, чтобы за тобой послали вашу группу?

Как и всегда, когда Лиза нащупывала какую-то важную ниточку, у нее начинали чесаться руки – так хотелось распутать клубок до конца.

– Этого мы никогда не узнаем. Можешь даже не пытаться, Лиз. Я серьезно. Оставь эту тему, потому что, ей богу, оно сейчас вообще неважно.

– А что важно?

– То, что он понимал, чем рискует. И какая разница, какой была поставленная перед ним... перед нами задача? Это могло случиться... это может случиться с каждым из нас в любой момент.

– Но это случилось с моим мужем! – заорала Лиза, сама себя не узнавая. – Это случилось с моим мужем... Не с тобой. И не с кем-нибудь другим, – заскулила, резко отставила чашку, расплескав остатки какао.

– Ну, прости, что разочаровал. – Ярослав попытался встать, но Лиза не позволила. Вспышка ярости быстро потухла, оставив после себя лишь ужас. От произнесенных вслух слов.

– Господи, Яр, ты же знаешь, что я не это сказать хотела... Прости меня, пожалуйста, прости. Я... на самом деле я не переживу, если еще и тебя потеряю. Я не перенесу...

В глазах Лизы мелькнул дикий, животный ужас. События развивались так стремительно, что на их анализ времени просто не оставалось. Она зациклилась на гибели мужа и совершенно упустила из вида то, что второй самый близкий для нее человек продолжает рисковать жизнью каждый день, выходя на работу. Она усилила хватку. Впиваясь ногтями в его руку. Ярослав нехотя вернулся на место. Лиза тут же пододвинулась ближе. Переплела свои пальцы с его и прижала к мокрой от слез щеке.

– Скажи, что ты меня простил.

– Тебе не за что извиняться.

– Есть за что. Прости!

Лиза привстала, заглянула ему в глаза. В своем горе она стала такой эгоисткой! Ведь ни разу... ни разу она не спросила, как с ним справляется сам Ярослав.

– Проехали, Лизун. Ты хоть и журналист, но еще та пустозвонка.

Лиза вымученно улыбнулась. Легла головой ему на колени, а он зарылся ей в волосы и стал осторожно массировать затылок.

Глава 4

Статью она с горем пополам закончила. Но ее выход прошел мимо Лизы. Она не отслеживала реакцию, количество упоминаний и ссылок на нее в сети, и бурный резонанс, который последовал за публикацией, прошел мимо нее тоже. Пожалуй, впервые Лизе было все равно на результат своей работы. Да и вообще... на все. В том числе и на Панамские офшоры. Расследование по которым Дубильет, глядя на её аморфное состояние, все же поручил другому сотруднику. Дело для него было прежде всего. Даже прежде жалости, которую он, безусловно, к Лизе испытывал. Впрочем, Аркадий Семенович знал ту слишком хорошо. А потому понимал, что как раз жалости она не примет. Вот он и маскировал её, распекая Лизу изо всех своих сил. Так что однажды даже перестарался.

– Ну, что это? Кто так пишет, а, Полярникова? Сколько лет тебя учу, а ты?! Вот говорил я тебе идти в женский журнал, клепать статейки о моде, или на главном канале фейсом торговать – там тоже много ума не надо, а ты в серьезную журналистику приперлась... – ругался он, пролистывая ту самую статью, что она принесла ему лично на утверждение. Смочил палец во рту, перевернул страницу. Вскинул на Лизу взгляд поверх очков и, увидев, что с ней происходит, вскочил со стула. – Эй! Лизка, ты чего это?

В другой ситуации Лиза непременно бы огрызнулась, ну, или отшутилась – в зависимости от степени близости к ПМС, а тут... сжалась вся, низко-низко опустив голову, и заплакала, орошая крупными слезами разбросанные на столе документы.

– Да я же так, Лиз... Ты чего, обиделась, что ли? – испугался Аркадий Семенович. – Я же так... – повторил. – Как обычно. Без задней мысли!

Лиза кивнула. Мол, понимаю. С Дубильетом у них были сложные отношения. Потому что она каждый раз рисковала, а ему все время казалось, что слишком. На этой почве у них происходили такие конфликты, что мама дорогая! И на мат переходили, и на крик... Чего только Лиза ни слышала в свой адрес. Но это никогда ее не задевало. Никогда! Она знала – шеф орет не со зла, а скорее для проформы. Уверенный, что она один черт поступит по-своему. Понимая, как она рискует, и очень остро переживая свою за нее ответственность. Аркадий Семенович делал все, чтобы защитить сотрудников редакции. Но он так же прекрасно осознавал, что не всесилен. За последние пять лет в их редакции было убито пять журналистов. Выходит, по одному в год. И Полярникова в любой момент могла стать шестой. В общем, чтобы этого не случилось, шеф всеми силами пытался удержать Лизу в тылу, а она с таким же упрямством рвалась на передовую. Поэтому и ругались.

– Лиза... – осторожно протянул Дубильет.

– Что? – шмыгнула носом та.

– Иди домой, девочка. И не слушай меня, старого дурака. Ты молодец. Я тобой горжусь.

Да уж! Нашел способ, как ее успокоить... Лиза всхлипнула еще громче. Он ведь никогда ей этого не говорил! А ей было важно его признание. Еще совсем недавно было так важно. Но сейчас Лиза оказалась настолько расшатанной, что не смогла правильно отреагировать. И заревела в голос. Уткнувшись носом в бок шефа. Забыв о том, что через стеклянные перегородки, отделяющие его кабинет, за ними наблюдает едва ли не вся редакция.

– Мне кажется, я выдохлась, перегорела. Ничего не хочу, – созналась Лиза. – Это так страшно. Когда ничего не интересно, когда ничего не радует, и ничего не

хочется.

– Ну, что ты, Лизка... Прорвемся. Мы уже с этим справлялись...

Да, несколько раз за свою карьеру Лиза выпадала из обоймы. Один раз – на два месяца. Второй – на четыре. Когда на нее обрушивалась депрессия со всеми сопутствующими этому состоянию «прелестями». Дубильет и тогда Лизу поддерживал. Именно он нашел для нее отличного психотерапевта. И даже, смешно сказать, зарплату перечислял исправно.

И ведь справились. Да...

«Изменчивость жизни тем и хороша, что все проходит. Даже плохое», – вспомнила Лиза однажды сказанные ее психотерапевтом слова. Но те не отозвались в ее сердце нужным образом. Там было пусто.

Кое-как успокоившись, Лиза вернулась домой. И пролежала так... А черт его знает, сколько. Пока обеспокоенные родители не позвонили тому самому психотерапевту. Антидепрессанты немного помогли. Разговоры – не очень. Но, по крайней мере, Лиза начала вставать. Выходить по совету врача на улицу. Хотя рекомендованные ей для поднятия настроения прогулки не давали нужного эффекта. Осень вступила в свои права. Обернула город в саван, сотканный из дождя и тумана. Под которым Лиза все равно узнавала их с Сережей город. И каждый фонарный столб, каждая скамейка, кафе, станция метрополитена... все в этом городе было связано с ним.

Лиза топтала начавшую опадать листву. Вдыхала ее прелый запах. И думала лишь о том, что все могло... нет – должно было сложиться иначе. И осень эта... Чертова осень должна была быть другой. Но Сергей погиб. А билеты в Париж сгорели – она даже не потрудилась их сдать.

Наиболее тяжело ей пришлось как раз в день годовщины. Будто предчувствуя это, ей всеми силами пытались помочь. Нагрянули родители, позвонили подруги. И даже родители Серого позвонили. Впервые именно они, а до этого Лиза каждый день звонила им сама. Чтобы те не чувствовали себя забытыми. И никому не нужными.

Но ближе к вечеру гости разъехались. Лизу окутала тишина. Которую раньше она воспринимала как счастье – в тишине ей хорошо думалось и работалось, а когда Серый был дома, тот наполнялся звуками. Как приятными ей, так и выводящими порой из себя – трескотней включенного телевизора, хлопанием дверей, лязганьем штанги, ненормально громким хрустом яблока, зычным голосом мужа, когда тот разговаривал по телефону, рычанием блендера, в котором он взбивал свой протеиновый коктейль...

Иногда Лизе так сильно не хватало тишины! Кто же знал, какой неудобной она может быть. Как в ней может быть одиноко и больно.

Лиза застыла посреди комнаты. Зажала уши... Выть хотелось. Выть, чтобы появился хоть какой-нибудь звук... А тут в дверь позвонили так кстати! Лиза торопливо открыла и уставилась на соседку.

– Таня? Привет. Что-то случилось? Выглядишь просто ужасно.

– Да ты тоже, надо заметить, не тянешь на королеву красоты.

Лиза фыркнула. Это уж точно. Бессонные ночи никому не идут на пользу. Как и слезы. И невытая вот уже сколько дней голова...

– Что-то случилось? Или ты просто в гости? Я сейчас не лучший собеседник, должна предупредить.

– Я по делу.

– Голодная? У меня родители были. Папа свой фирменный плов приготовил. Хочешь?

Лиза остановилась, понимая, что даже такой короткий диалог ее утомил. Может, не надо было Таню впускать? Но ведь тишина... Чертова тишина, в которой невыносимо. И прошлое, что обрывками воспоминаний настигало Лизу, куда бы она ни пошла. Ей Сергей везде, как живой, мерещился.

– Нет. Есть не хочу.

Ну, и хорошо. Лиза слишком устала, чтобы суетиться. Ее опять накрывала апатия.

- Лиза!

- Да?

- Я понимаю, что тебе сейчас не до меня. И что со смертью Сергея все вообще изменилось... Но я все же должна спросить. Потому что у меня, как ты понимаешь, тоже немного времени.

Лиза недоуменно нахмурилась. Она далеко не сразу поняла, куда Таня клонит. Надо же! Она совершенно забыла и о том, что Таня больна, и о том, что она ей предлагала.

- Да-да, конечно.

- Так вот, я хотела спросить, могу ли я рассчитывать, что ты усыновишь моего Даника?

Лиза растерянно пробежалась пальцами по давно нечесаным волосам.

- Ну, какой мне сейчас ребенок, Таня? Я и себе не могу ладу дать, а ты говоришь...

- Так ведь когда ребенок появится, все изменится, Лиз. Жизнь обретет смысл, заиграет новыми красками. Ты же хотела ребенка? Я тебе его... отдаю, - голос Тани сорвался.

Лиза бы многое могла возразить. Например, то, что ребенка она хотела с мужем. И что теперь, когда его нет, зачем ей ребенок? Тем более чужой? Если так разобраться, то при желании она вполне себе может родить. Ведь несовместимость у нее была именно с этим конкретным мужчиной. А от другого - пожалуйста, хоть сейчас. Но когда Лиза закрывала глаза и представляла себя с кем-то другим, кроме Сергея, ее начинало мутить. Должно быть, пройдет не один год, прежде чем она кого-то к себе подпустит. Если это вообще случится... А часики будут тикать! Есть, конечно, еще вариант ЭКО от анонимного донора,

но она ни за что больше, никогда не решится на эту изматывающую процедуру.

Так, может, предложение Тани и правда – выход?

Лиза поежилась, представив, как держит в руках хрупкое, сладко пахнущее тельце. Внутренности будто свело раскаленным ободом. Сердце трепыхнулось. Её разорванное в клочья сердце... Как если бы в него, давая вторую жизнь, вживили кардиостимулятор. Лиза взволнованно прошлась по кухне. Впервые за много-много дней в ней всколыхнулись... чувства. Но надо ли было слепо идти у них на поводу? Лиза знала о своем недостатке – браться за что-то бездумно, поддавшись порыву. И сознательно себя тормозила. Вопрос перед ней стоял серьезный. Нужно было подумать... Крепко подумать, прежде чем дать ответ. Да, Таню ей было жалко. Но и жалость не повод взваливать на себя то, что унести сил не хватит...

– Я ничего не могу тебе обещать.

– Обещай хотя бы подумать. Я знаю, что лучшей матери Данику я не найду...

«Льстит!» – подумала Лиза. – «Но попадает, вот ведь! Прямо в сердце попадает. В то, что ожило».

– Хорошо. Я подумаю. Обещаю.

И она думала. Как привыкла. Взвешенно. Совсем не так, как обычно принимала решения в своей повседневной жизни. А скорее так, как работала. Отстраненно. Констатируя лишь факты. Генетика? Прямо скажем, не очень. У Тани, вон, эта глиобластома, а что там у биологического отца – вообще неизвестно. Иногда Лиза пыталась его представить. Точнее, его и Таню. Потом ругала себя за снобизм, который не позволял ей видеть рядом с ней какого-нибудь достойного мужчину. Но все равно возвращалась к мысли, что этот мужчина уж точно был не красавец. Красивые, успешные мужики, как правило, не спали с такими, как Таня. Дай бог, чтобы он был хотя бы непьющий. А что если, допустим, тот вообще... азиат? Или какой другой расы? Нет, конечно, это ничего не меняло. Но Лизе, по крайней мере, нужно было заранее знать, к чему готовиться. Она не знала. Сначала Таня отмалчивалась, а потом ей стало так плохо, что стало не до разговоров.

Дальше медлить с принятием решения было нельзя. К тому же Лиза почти решилась. Ей нравилось, как она себя чувствовала, думая о ребенке. Иногда она даже улыбалась. А ведь еще два месяца, месяц назад думала, что никогда уж не сможет.

Ей предстоял важный разговор. С родителями. Решение она уже приняла, но мнение тех для нее было очень важно. Лизе хотелось, чтобы мать с отцом приняли ее ребенка. Пусть даже он был не совсем её. Но Лизины надежды не оправдались. Мама с папой решили, что она сошла с ума. Стали убеждать ее не делать глупостей, ведь она вполне еще может родить. И не дело это... чужого брать. Да и вообще – зачем? Зато, к большому удивлению Лизы, на ее сторону встали свекор со свекровью. Свекровь даже прослезилась, обнимая Лизу, и заверила, что она может полностью на них положиться. Что Данечка им как внучек родной будет.

Потом Лиза долго недоумевала, как тот их восторг ее не насторожил? Ведь должен был! Непременно должен. Но она решила, что старики нашли в Дане свое утешение. И на том успокоилась. Ах, как же жестоко она ошибалась. Ах, как же с ней были жестоки...

Данька родился пятнадцатого октября. Путем срочного кесарева сечения. Все понимали, что из наркоза Таня уже не выйдет. Она тоже понимала, на что шла. Лиза была рядом. Ей пришлось задействовать все свои, и даже старые связи Сережи, чтобы бюрократическая машина сработала так, как надо. И понервничать ей пришлось, и помотаться, но оно того стоило. Лиза убедилась в этом, когда взяла, впервые взяла на руки своего... да-да, теперь уже своего сына.

Глава 5

Ярослав и сам не знал, за каким чертом сюда приперся. Просто в какой-то момент ему стало невыносимо оставаться в стороне от Лизы. И совершенно недостаточно коротких, безликих разговоров с ней по телефону. Серьезного повода для звонка у него не было, а единственный вопрос, который он мог задать – «ты как?», тонул в ее дежурном – «нормально».

И вот он здесь. Может быть, чтобы в том убедиться...

Яр захлопнул дверцу машины. Подошел к красивым кованым воротам и, остановившись у клумбы с подмерзшими астрами, выругался под нос. Нет, он точно придурок! Какой сегодня день? По всему выходило – рабочий, а он явился. Наверняка Лизы и дома нет. Чем он только думал?

Код домофона Яр набрал скорее для галочки, уже вообще ни на что не надеясь. Но, к удивлению, Лиза ответила, едва тот успел позвонить.

– Да! – шепнула задушенно.

Ярослав сглотнул. Все же зря он решился на новую встречу. Потому что за время, которое они с Лизой не виделись, его определенно не отпустило. Стоило только ее услышать – и все, сердце опять зашло. А член выпрямился по стойке смирно, как тогда, когда заплаканная Лиза лежала у него на коленях, а он про себя молился, чтобы та хотя бы не шевелилась. Ведь если бы она хоть на миллиметр сдвинулась – щекой ощутила бы, как чудовищно, нечеловечески он возбужден. Яр не понимал, что за сумасшествие с ним происходило. Он совершенно перестал себя контролировать. Будто со смертью Серого – единственного препятствия на пути к той, которую Яр любил, все контроли, что он старательно возводил годами верности другу, рухнули.

– Лиз, это я. Открывай.

В ответ на его слова Лиза тихо рассмеялась. И, прежде чем открыть, бросила:

– Сова, открывай, медведь пришел!

Яр дернул дверь. Нахмурился, удивленный тем, что она такая смешливая. С чего бы вдруг? Может, тут уже санитаров вызывать надо?

– Привет! Заходи... – Лиза обняла его. Прижалась всем телом, но, к счастью, коротко. – Ты просто так или по делу?

Опять почему-то шепотом. Сквозь который, впрочем, сочились радость и необъяснимое возбуждение.

– Просто так, – настороженно ее разглядывая, заметил Ярослав. – У тебя все нормально?

– Да! – засмеялась Лиза. Ну точно, у его девочки фляга свистанула. Не зная, чего ему ждать, Яр скинул куртку и огляделся.

– А это что? – кивнул на сложенные в углу рулоны обоев и поддон с клеем. – Ты опять затеяла ремонт?

– Да! – довольно закивала Лиза и подперла попкой высокий комод. – Ты что, ничего не знаешь?

– Не знаю чего? – Ярослав никак не мог взять в толк – это он тупит, или...

– Я хотела тебе сказать. Только замоталась сильно. У нас тут небольшой дурдом. Но это ничего. Я уже почти втянулась. – Лиза возбужденно взмахнула рукой. Ничем не скованная грудь колыхнулась под трикотажной футболкой Серого. Была б воля Яра – он бы ее содрал. Настолько невыносимым для него было то, что ее касались вещи покойного мужа. Будто через них ее касался сам Серый. До сих пор... Все еще.

– У кого у вас, Лиза?

– У нас! Идем, я тебе покажу. Только тихо, хорошо? Он только-только уснул...

Еще одним взмахом руки Лиза пригласила Яра в спальню. Комнату, в которой он старался вообще никогда не бывать. Потому что если в любом другом месте Лиза, по крайней мере, была его другом, то в этой комнате она целиком и полностью принадлежала другому.

– Конечно, правильнее, чтобы у ребенка была своя комната, но как раз ее я подготовить и не успела. Так что мы пока вместе ютимся.

Ну, точно. Точно спятила. На почве горя все что угодно могло случиться. Ярослав нежно обхватил ее запястье рукой и ласково поинтересовался:

– У какого ребенка, Лиз?

Лиза смерила его внимательным взглядом, откинула голову и захохотала, почти не сдерживаясь.

– Моего, Яр! Моего... А ты никак решил, я того? – постучала по виску указательным пальцем.

Ну, допустим. А как тут было не решить?

– Нет, я...

– Пойдем, – прервала его бессвязные оправдания Лиза. – Своими глазами увидишь.

Она тихонько отворила дверь и первой вошла в комнату. Яр внимательно осмотрелся. Спальня как спальня. Очень в стиле Лизы. Серый не принимал никакого участия в обустройстве дома, оправдывая себя тем, что ничего в этом не понимает. Ну, Лиза и развернулась... Сам бы Яр в жизни не допустил, чтобы в их спальне было столько розового. Возможно, потому, что и в профессии и по жизни Лизе приходилось быть довольно жесткой, ее личное пространство было совсем уж утрированно девчачьим.

– Вот. Это мой сын. Данька. Правда, красивый? Ты только не трогай его, хорошо? Потом, когда руки помоешь.

Ярослав, как последний кретин, вылупился на маленькую плетеную корзину, которая на деле оказалась люлькой. Моргнул. Лиза могла не волноваться. Никого он грязными руками трогать не собирался. Потому что он, окончательно охренев, не мог даже пошевелиться. И только одна мысль пульсировала у Яра в голове – как вернуть ребенка родителям так, чтобы против спятившей Лизы не выдвинули обвинений.

– Лиза, где ты его взяла?

В глазах Лизы снова промелькнул смех. И чтобы не захохотать в голос, та закусила губы. Пухлые. Он бы сам их с удовольствием... покусал.

«Ох ты ж, черт!» – Яр зажмурился. Картинка перед глазами была настолько реальной, что его натуральным образом повело, как только фантазии собрались вырваться на свободу.

– В роддоме. Где ж еще?

– Лиза!

– Да выдохни ты, я ж его не украла, в самом деле!

– Тогда объяснись, ради бога. Я ни черта не понимаю.

– Пойдем отсюда. Не то Даньку разбудим. И я все-все тебе объясню. А взамен ты мне поможешь обои наклеить в детской. Я обзвонила всех ремонтников, представляешь? И никто не смог мне поклеить обои. У всех запись на полгода вперед.

– Лиза, остановись. – Яр и впрямь поймал ее за руку, заставляя притормозить прямо посреди коридора. – Давай по порядку. Потому что пока из твоих слов я ни черта вообще не понимаю. Откуда у тебя этот ребенок?

– Я его усыновила.

Час от часу не легче! Яр растер лоб. Ну, хоть не украла – и это хлеб. Признаться, он действительно уже ко всему был готов.

– Не знал, что ты планировала усыновление.

– Я и не планировала. Это долгая история.

– Так расскажи мне.

– Слушай, Яр, мне правда нужно поклеить эти обои. Давай так – я рассказываю, ты мажешь клеем стену.

– А разве не обои нужно мазать? – растерянно заметил он.

– О, тут мнения противоречивы. Советчики в интернете разделились на два непримиримых лагеря. Одни рекомендуют мазать обои, другие – стену. Ох, там и битвы у них, я тебе скажу.

Лиза наклонилась, чтобы подать Яру валик, и он залип на ее тугой, как орех, заднице, на время упустив нить разговора.

– Давай пока оставим ремонт. Меня гораздо больше интересует твое решение усыновить... хм, ребенка. Я знаю, что у вас... кхм... с Сергеем не получалось, но ты бы могла... кхм... теперь могла бы...

Черт! Он не знал, не находил слов, чтобы сказать то, что думает, и ее не обидеть. А Лиза и не обиделась, надо заметить, даже оценила его попытки быть деликатным.

– Не думаю, что я захочу кого-то, кроме Сергея. А тут... Ты помнишь Таню? Ну, конечно, помнишь. Она ведь с вами работала.

«Нет», – застучало в голове Ярослава. – «Нет... Нет. Нет! Только, мать его, не это!»

– И что?

– Она умерла.

– Я в курсе.

– А перед этим предложила нам с Сережей усыновить Даньку.

Да твою же мать! Им с Сережей?! Нет, Серый, конечно, был последним мудаком, как оказалось, но чтобы навязать ребенка от любовницы жене... Кем надо быть вообще? Кем... вообще... надо... быть?! За что он с ней так?

– И что... Что Серый?

На лицо Лизы набежала тень. И от хорошего настроения будто ничего не осталось.

– Мы не успели с ним обсудить этот шаг. Наш разговор с Таней состоялся как раз, когда... – не смогла, не договорила. Видимо, боль все еще была очень сильной. – В общем, я приняла это решение уже после.

– Ты спятила! – отрезал Ярослав, злясь на покойницу Таню, а выплескивая эти эмоции на ни в чем, в общем-то, не виновную Лизу. Поражаясь коварству и беспринципности первой. И простодушью второй.

– Эй... – протянула Лиза. – Я думала, хоть ты меня поддержишь.

– Поддержу? Это безумие!

Безумие, что женщину обманом вынудили воспитывать плод чужого греха. Да если бы эта сучка Таня была еще жива, Ярослав ее придушил бы своими руками. Но что уж теперь? Ему одно остается – вправить Лизе мозги.

– Но почему? Я все хорошо обдумала. Я счастлива, в конце-то концов. Почему никто за меня не может просто порадоваться?! Я усыновила ребенка. Не убила кого-то и ничего не украдала. Почему все меня осуждают?!

На слове «убила» Ярослав невольно вздрогнул. На мгновение перед глазами всплыло застывшее лицо Серого с аккуратной точкой прямо в центре лба.

– Я не осуждаю.

– А что же ты делаешь?

– Пытаюсь до тебя достучаться! Тебе просто не нужен этот ребенок. Вот и все.

– Да почему ты решил, будто лучше меня знаешь, что мне нужно?! Ты... и мои родители, мои подруги... Я по пальцам могу пересчитать людей, которые меня поддержали!

– И что же это за люди?

– Родители Серенького, Дубильет. Пара человек на работе.

– Наверняка и они в том возрасте, когда потихоньку начинаешь выживать из ума, – рявкнул Яр, зарываясь в страшной догадке. Родители Серого знают, кого на самом деле усыновила Лиза. Вот и обхаживают внука, очумев от радости, что Серега перед смертью все же продолжил род.

И они предатели. Сколько Лиза им хорошего сделала! Как можно с ней так поступить? У Ярослава в голове не укладывалось. Хотелось поехать и... Что? Отмудохать немощных стариков?

– Знаешь что? Ты, Яр, иди. Я в таком тоне с тобой говорить не буду! – Лиза отбросила валик, подперла бока кулаками и зло на него уставилась. Футболка мягко обтянула её по-девичьи высокую грудь. С крупными, сжавшимися от злости сосками.

– Лиза, да пойми ты, я хочу помочь!

– Ты мог помочь. Поклеить обои. Но вместо этого предпочел учить меня жизни. Только знаешь что? Мне это не нужно. Я уже большая девочка.

– Лиза...

– Иди, Яр. Не то мы опять поругаемся. И у меня пропадет молоко.

– Какое нахрен молоко? Откуда?

Нет, может, она все-таки спятила?

– Обычное, – вздохнула Лиза. – Я наладила лактацию с помощью приема гормонов.

– Ты сошла с ума. – Ярослав тряхнул головой, но картинка ее, кормящей, застыла перед глазами и сменялась лишь одной – Серого, трахающего эту... Таню.

«Почему она? Да потому что голодная и безотказная. Хочешь с черного хода, хочешь с переднего. А хочешь, за щеку возьмет...»

Как могло это светлое, чистое соседствовать с такой невозможной грязью?

– Убирайся, Яр! Слышишь? Приходи, когда одумаешься!

Это кому еще из них нужно было одуматься! Не отпуская злущего взгляда Лизы, Ярослав попятился. Похоже, спорить с ней вот так было бесполезно. Она уже назначила себя матерью этого... он не хотел говорить – ублюдка, нет, в конце концов, ребенок был не виноват в грехах своих непутевых родителей, но оставаться ровным к пацану один черт не мог. Яр видел в нем угрозу. Бомбу, которая в любой момент могла сдетонировать, стоило лишь правде всплыть наружу. Все эти заезженные истины о том, что шила в мешке не утаить... они ведь неспроста из уст в уста передаются. Так, может, еще не поздно? Может, все же открыть ей глаза? Пока еще их с ребенком связь не укрепились. Пока его еще можно выдрать из ее сердца? Пока...

Дорога до машины прошла будто сквозь него. Яр откинулся в кресле, понимая, что ехать куда-то в таком состоянии просто самоубийство. И долго сидел, глядя перед собой, но ничего толком не видя. А потом звякнул телефон. И еще, и еще. Посыпались сообщения. Ярослав лениво открыл общий чат – мужики договаривались отработать вместе пару задач. Яр настроил, что скоро подтянется. В надежде, что вместе они придумают какой-то выход из этой безвыходной ситуации.

Глава 6

– Ну, как вы тут? Данька не вредничал? – спросила Лиза, втаскивая в квартиру заиндевевшую елку.

– Нет-нет, Лизонька. Он вел себя молодцом. Даже улыбался нам с дедом. Представляешь?

Лиза радостно закивала. Она уже и сама не раз на этом ловила сына. Лыбился Данька так широко и радостно, что она, глядя на него, каждый раз начинала хохотать.

Лиза скинула куртку и подула на замерзшие красные руки.

– Я пока его не могу взять. Холодная, – пояснила она свекрови. Сняла сапожки на плоском ходу и поставила в шкаф. Худшая осень ее жизни осталась позади. Пришла зима. Очень снежная в этом году, но теплая. Дело близилось к Новому году. Первому ее новому году без мужа...

– Да мы не спешим, Лиз. Беги, руки мой. Я в кухне уже ужин накрыла.

– Ой, что вы, Людмила Борисовна, не нужно было.

Лиза и впрямь чувствовала себя неловко. Ей даже собственная мать так не помогала, как свекровь. С которой, после гибели Сергея, ее формально ничего даже толком не связывало. А уж тем более не связывало их с Данькой.

Сереза был поздним ребенком, и Людмиле Борисовне было уже под семьдесят. Лиза прекрасно понимала, что той с младенцем приходится тяжело. И старалась не злоупотреблять помощью. Впрочем, это у неё не всегда выходило. Работающей мамочке трудно справляться одной. А декрет Лиза себе не могла позволить. И хоть большую часть времени она теперь работала удаленно, в редакцию все же ездила регулярно. Да и других дел хватало. Вон, Дубильет напомнил, что ей бы не мешало вступить в наследство. Время не стояло на месте, и отмерянные на это полгода медленно, но верно подходили к концу. Так что Лизе все же приходилось отлучаться, оставляя Даньку на Людмилу Борисовну. С нянькой им не повезло. Та никак не находилась. Может, потому что Лиза была слишком требовательна.

Лиза пошла в ванную. Вымыла руки. Взгляд зацепился за сваленное в кучу белье, постирать которое так и не дошел черед. Вздохнула и загрузила постельное в машинку, прекрасно зная, что если опять этого не сделает, лежать ему тут еще долго. Словом, задержалась. А когда вышла, услышала такой разговор:

– И ротик, да? Глазки и ротик. Ну, вылитый Сереза.

Лиза замерла у дверного проема, ведущего в кухню. Прислонилась лбом к прохладной стене. Выходит, не одна она иногда выискивала в Даньке свои черты и черты Сергея? Даже понимая, что... ну, не может быть там никаких общих

черт. Значит, не ей одной они виделись?

- Вылитый Сергей, - согласился Юрий Васильевич по-военному сухо.

- Его в армию не отдам! Костьми лягу, Юра, но не отдам. Никаких тебе больше династий.

- Долго ты меня еще будешь винить в гибели сына?!

- Да разве я виню? Просто... говорю, что внука от этих дел нужно держать подальше.

Людмила Борисовна обернулась и, заметив Лизу, испуганно замерла.

- Ох, Лизонька. Ты... как давно тут стоишь?

- Достаточно, чтобы с вами согласиться. Даня не пойдет ни в какую армию. Никогда. Не волнуйтесь.

Даже тогда... даже тогда Лиза не поняла, как жестоко ее обманывают. Рассудила, что старикам, как и ей, просто хочется верить в легенду о том, что Данька был их с Сергеем сыном. Сама Лиза жила именно с такой мыслью. Ну и пусть это была неправда!

Людмила Борисовна виновато потупилась и поспешила перевести тему. Лиза ела. Данька спал в качалке. А Юрий Васильевич взялся устанавливать елку. А после они распрощались, договорившись вновь встретиться завтра. Лиза собиралась все же заняться наследством, чтобы покончить со всеми неприятными формальностями до конца года.

Данька уснул, как и всегда, под грудью. Appetit у него был о-го-го. На зависть. Лиза ужасно гордилось тем, что выкормила сына сама. Так что даже их педиатр уже не раз отмечал, как хорошо Данька прибавляет в весе. И это, конечно, ее радовало, да. Но гораздо большее удовольствие Лиза получала от самого процесса. Кормление ей виделось неким сакральным таинством, во время которого между ними устанавливалась удивительно прочная связь, что держала их вместе гораздо крепче, чем порезанная в момент рождения пуповина.

Лиза осторожно освободила сосок из маленького жадного рта и замерла. Данька недовольно поджал губки. Действительно напоминающие формой Сережины. Крохотное личико сморщилось на несколько долгих секунд, словно он готовился зареветь, но спустя некоторое время опять безмятежно разгладилось. Лиза чуть перевела дух. Уснул! Теперь у нее появилось немного времени заняться делами.

Она осторожно встала и на цыпочках вышла из собственной спальни. Из которой Данька так и не переехал, несмотря на то, что его комната уже давно была готова. Несколько ночей кряду Лиза честно пыталась его отселить, но маленький поросенок засыпал, а как только она возвращалась к себе, принимался истошно орать. В конечном счете Лиза была вынуждена признать, что мелкий их всех переупрямил. Она махнула рукой на рекомендации педиатра, уложила сына рядом с собой и впервые за несколько дней выпалась! Потому что он ни разу... ни разу за ночь не проснулся. Да и вообще стал гораздо спокойнее, чем в те дни, когда она пыталась ему навязать новые правила общежития.

Зря только делала перестановку в кабинете! Теперь бы документы найти. На квартиру и завещание. Они с Сережей очень часто смеялись над тем, что свою последнюю волю им пришлось оформить в двадцать пять лет. Ведь обычно в этом возрасте о смерти совершенно не думаешь. С другой стороны, мало кто в двадцать пять лет так рисковал, как она это делала, или Сергей. Занимаясь каждый своим делом. В общем, подумав, они пошли к нотариусу. Вместе. Посвятив этому целый день. И даже потом это дело отметив в дрянном ресторане прямо у нотариальной конторы. Лиза отчетливо помнила, как они тогда напились. И как потом бежали домой под ливнем, останавливаясь на каждом углу и жадно целуясь. Это было всего пять лет назад...

Сердце мучительно сжалось. С тех пор Лиза, кажется, постарела на тысячу лет. Горе старит, как ничто другое. Отложив свадебный альбом и несколько книг, сложенных одна на другую, она, наконец, добралась до нужной папки. Лиза давно уже в нее не заглядывала. И вот пришлось... Перерыла все бумажки, нашла свое завещание. Глупое совершенно, какое-то бесшабашное, как и они с Сергеем в то время, когда его составили. Подумать только! Они даже настояли, чтобы в сухом тексте официального документа зафиксировали такие слова, как «...все движимое и недвижимое имущество завещаю моему любимому мужу». Завещание Сергея фактически дублировало ее собственное. Вот только оно почему-то не находилось. Лиза перебрала каждую бумажку, но, так его и не отыскав, пошла спать, решив, что утро вечера мудренее.

Утром созвонилась с нотариусом, объяснила ему ситуацию. К счастью, оказалось, что отсутствие у нее документа – не проблема. В общем, к назначенному времени Лиза подъехала в офис. И все было хорошо, пока не случилась загвоздка...

– Хм, видите ли... Буквально перед смертью ваш муж оставил завещательное распоряжение относительно содержимого банковской ячейки. Указав другого наследника. И в этой части распоряжение отменяет ранее обозначенное в завещании.

– В какой части? – обалдела Лиза.

– В той, что касается содержимого банковской ячейки, – терпеливо повторил нотариус. – Остальное имущество – доля в квартире, автомобиль Фольксваген отходят вам. Здесь все без изменений.

– То есть все, что там есть, мой муж завещал кому-то другому?

– Совершенно верно.

Лиза задумалась. Так странно. Сергей ничего ей об этом не говорил. А ведь она даже не знала, что там хранится. Может, деньги, которые он отложил для родителей, опасаясь, что она, в случае чего, оставит их без поддержки? Другого объяснения Лиза не находила, сколько ни думала. Хотя способ, надо заметить, был выбран довольно странный.

– Ну, оставил и оставил, – в конечном счете сказала она. – Мы закончили?

– Да. Только вот, распишитесь в журнале.

Выйдя из конторы, Лиза поняла, что злится. И дело было вовсе не в деньгах. Просто... Как он мог так о ней подумать?

Когда Лиза вернулась домой, свекровь укачивала Даньку в руках. Лиза много раз говорила ей, что этого не стоит делать, но та не слушала.

– Ну что, Лизонька, сходила?

– Угу. А вы почему не сказали, что Сережа вам завещал содержимое банковской ячейки? – спросила она, разматывая толстый шарф.

– Банковской ячейки? – у Людмилы Борисовны забежали глаза, но Лиза того не заметила, потому что наклонилась разуться.

– Да-да. Я же не знала, что он сделал это завещательное распоряжение. Вот оно нас и сбilo с толку, пока разобрались...

– А, ну ты же знаешь, я немного не в себе. Забыла вовсе...

– Он же вам деньги оставил? – нахмурилась Лиза, никак не в силах взять в толк, что ее настораживает в поведении свекрови.

– Да-да. Конечно. Только знаешь, что я тебе скажу? Не должно так, Лизонька, быть. Не дети должны завещать что-то родителям, – шмыгнула носом. И Лиза, испугавшись, что довела свекруху до слез своими расспросами, вмиг забыла обо всех смутных подозрениях и крепко ту обняла.

– Ну, все. Не нужно мне было вам напоминать.

– А что, тебе нужны деньги? Так ты только скажи. Мы с Юриком все, что хочешь, для вас...

– Ничего мне не нужно, Людмила Борисовна. Я рада, что он о вас позаботился.

– Ты хорошая девочка, Лиза. Мы всегда тебя очень любили.

Лиза растрогалась. Обняла свекровь. Она тоже их очень любила.

– Я бы так с вами вечность стояла, но грудь уже закаменела. Молока столько, что хоть еще кого-нибудь усыновляй, – пошутила Лиза.

– Конечно-конечно! Ты на меня не обращай внимания, иди Данюшу кормить. И провожать не выходи, я дверь захлопну.

Лиза кивнула, и поскольку молоко уже и впрямь стремилось наружу, пошла вымыть руки. После забрала сына и спешно приложила к груди.

Все же они отлично справлялись. Она... и Данька. Может, другой женщине и надо девять месяцев, чтобы подготовиться к будущему материнству, но ей и пары недель хватило. И как будто они всегда жили так... И как будто она всегда его так любила. Сладкого маленького жадного торопыгу. Лиза погладила щечку сына пальцем и, блаженно зажмурившись, откинула голову на подголовник.

Не прошло и пары минут с тех пор, как ушла Людмила Борисовна, как в дверь постучали. Решив, что свекровь что-то забыла, Лиза перехватила сынишку под спинку и так, не отнимая его от груди, пошла открывать. А это вовсе не Людмила Борисовна вернулась.

– Ой! – выдохнула Лиза, глядя на Ярослава. Тот тоже, надо заметить, на нее пялился. Ну, еще бы. Картина была еще та. Кофта задрана. Данька с рыком ее мурыжит...

– Хм... Я, похоже, не вовремя, – пробормотал Яр.

– Да нет. Проходи. Я сейчас чем-то прикроюсь. Он только начал, так что это надолго. – Остаток фразы Лиза произнесла уже из спальни, куда пошла, чтобы взять пеленку. Набросила ту на плечо и вернулась в коридор. – А это что? – указала на огромную коробку, перевязанную бантом.

– Это подарок. Ну, мальчику... Я должен извиниться, что тогда... Кхм.

– Что тогда ты повел себя как полная задница.

– Ну, примерно, – криво улыбнулся Яр. А у Лизы на сердце стало теплей. Она подошла к другу поближе, насколько это было возможно, и осторожно его приобняла.

– Много же тебе понадобилось времени.

– Хм, – как будто смутился тот.

– А я ужасно скучала. Или ты раньше не мог? Опять был на задании? – Лиза встрепенулась. Заглянула ему в глаза, с трудом контролируя страх, что в ней всколыхнулся.

– Да не было никаких заданий. У нас же... кхм... некомплект.

Дыхание Лизы оборвалось. И воздух замер в легких, обжигая. Выдохнула с шумом.

– Я не подумала... И что теперь?

– А черт его знает. Пока ничего не ясно.

– Но ведь... сколько уже прошло?

– Много, Лиз. Вполне возможно, нашу группу расформируют.

– Не буду врать – я этому только рада. Не хочу, чтобы ты...

– Рисковал.

– Да.

Пока они болтали, Данька наелся и выпустил ее грудь, громко причмокнув. Ярослав вздрогнул. А наблюдающая за ним Лиза затряслась в приступе хохота.

– Он просто поел, – шепнула она, – не надо так пугаться.

– Я не пугаюсь, просто это... кхм... немного странно.

– Ничего, ты привыкнешь, если будешь заходить к нам почаще.

– А ты этого хочешь? – хрипло спросил Ярослав и потупился в сторону.

– Конечно. Ты же мой лучший друг, Яр. Я люблю тебя.

Лиза переложила сына в люльку и быстро привела себя в порядок. Было и впрямь что-то волнительное в том, что Яр видел ее вот так... Она смутилась, не понимая, что на нее нашло.

Глава 7

Новый год Лиза решила встречать вдвоем с сыном. Родители уехали на зимние каникулы в горы, у подруг тоже были какие-то планы, а свекор со свекровью поздравили их накануне праздников. Данька по достоинству оценил подаренный ему музыкальный мячик. И с остервенением тряс его, корча забавные рожицы, пока Лиза начиняла утку яблоками. Между прочим, это было ее фирменное блюдо. Конечно, она могла не заморачиваться и заказать доставку из ресторана. Но Новый год был ее любимым праздником. Огоньки на елке мигали, Данька подолгу на них залипал. По телевизору одна за другой шли старые комедии, и этот антураж создавал отличное настроение, в котором любые хлопоты были только в радость. Лиза что-то резала, шинковала, забыв даже, что это некому будет есть. Иногда отвлекалась от работы, что-то говорила сыну, что-то у него же спрашивала. Потом деловито кивала, будто тот ей впрямь ответил, и, улыбаясь, возвращалась к готовке.

Лиза справилась с делами ближе к восьми. Накрыла стол, поставила в ведро бутылку вина... Она даже успела вымыть голову и подкрасить глаза, чего не делала вот уже несколько месяцев, с тех пор как узнала о гибели мужа. А надев красивое вечернее платье, остановилась у зеркала, в котором отражались и елка в огнях, и празднично убранный стол, и прикорнувший в своей люльке Данька. И посреди этого всего – она. Такая одинокая, что хоть вой. Не спасали ни хлопоты, которыми она теперь уж понятно для чего себя занимала, ни мысли о сыне, вообще ничего не спасало. Она так скучала... дико, неистово, оголтело, что не осталось никаких сил врать себе, будто справилась с этой тоской.

В дверь позвонили, когда Лиза уже хотела сорвать с себя это чертово платье. Смахнуть со стола то, что с такой любовью готовила... Потому что в ее стараниях не было никакого смысла. Их просто некому было оценить. А без этого они вообще ничего не стоили.

Взяв себя в руки, Лиза подбежала к домофону.

- Кто там?

- Дед Мороз! Открывай!

Дед Мороз даже не попытался изменить голос. Узнать Ярослава в нем было нетрудно. Лиза отперла дверь и замерла в пороге, испытывая такое облегчение, что словами не передать.

- Привет. Ничего, что я нагрязнул без звонка?

Ярослав выглядел как будто смущенным. Хотя казалось бы - где он, а где смущение?

- Ну, что ты! - запротестовала Лиза. - Заходи. Ты останешься или...

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... ты только останься!» - взмолилась про себя. Понимая, что у него наверняка есть свои планы. Никак с ней не связанные.

- Если не помешаю.

- Вот уж нет! Мы с Данькой одни. Совсем... - добавила и сама от собственных слов поморщилась. Так жалко они прозвучали. Чтобы как-то их сгладить, затараторила: - А это что?

- Да тут на стол всякое. И подарки, естественно. Новый год ведь, Лиз.

- А я тебе ничего не купила... Не знала, что ты придешь.

Лиза подняла с пола пакеты, но Яр, который в тот момент разувался, запротестовал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/reznik_yuliya/blizkie-lyudi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)